

— **ЕСЛИ БЫ** понадобилось вот так разом определить направление театра, что бы вы сказали о нем, Александр!

— Наше направление определяется тем, что единственный русский театр в республике должен «обслужить» разные вкусы и возрасты зрителей, и сделать это он может только разнообразя свой репертуар — от классики до остросовременной пьесы, включая и «детские» темы, между прочим. Но разве это плохо — такой демократизм? Разве не ограничил бы себя театр, выбирая только «определенное направление»? Главный подход к работе — драматургия высокого класса.

Это, если хотите, наше credo. Из классики мы поставили «Сон в летнюю ночь» У. Шекспира. Спектакль позволил занять пятнадцать молодых актеров, для многих этот спектакль стал дебютом. Дебютировать Шекспиром — это, согласитесь, заряд, и аванс, и школа, — все, что для актера важно. Яркая, праздничная эта пьеса дает возможность раскрыться в самой маленькой роли, «развести» в ней краски.

Позиция театра? Это жизнь. — Сейчас много говорят о театральном эксперименте. В театрах происходит своего рода революция. А в вашем?

— Мы вступили в эксперимент наравне с 80 театрами страны. Рано, пожалуй, говорить, об итогах и плюсах эксперимента.

Ясно одно: улучшилось материальное положение актеров, театр получил больше самостоятельности. Мелочной опеки не стало. Отменено само понятие «сдача», когда, открывенно говоря, от «чиновников» зависело — принять или не принять спектакль. Да вы это и сами знаете. Роль худсовета возросла. Стали больше думать о репертуаре, его остроте, современности поднятых тем. Эксперимент «развязал нам руки». Вряд ли несколько лет назад мы могли бы мечтать о постановке такого острого спектакля, как «Ловушка № 46, рост второй» Юрия Щекочихина. Этот спектакль «совсем свежий» — мы сдали его в конце мая. Да, написана

пьеса не вчера и полежать успела, однако, проблемы, в ней поставленные, отнюдь не устарели, а я бы сказал, обросли кольцами других проблем. Преступность, судья одиночек в среде молодежи, неформальные объединения — разве мы сейчас об этом можем говорить как о вчерашнем дне?

Пьеса изобилует монологами, она исповедальна, нервна в хорошем смысле слова, у нее есть ритм... Там звучит со-

Мы и в Кишиневе с ними столкнулись, с такими «странными ребятами». Нас пригласили в кафе на встречу с ними. Вот кафе стало заполняться молодыми людьми со странными прическами, странными повадками... Было 18.00. Сначала «рокерам» и «брейкерам», как их скопом называют в народе, не дали громко говорить, потому что в кафе кто-то отмечал поминки. Потом стали заходить мамы с деть-

такле, вы просто заинтриговали меня своей «Ловушкой № ...».

— Юрий Щекочихин — экспериментатор. Он изобразил в пьесе убийцу по кличке Чиж. Мы долго искали образ Чиж, и до конца так и не были уверены, что нашли те самые «острые краски», которые нужны для такого образа. Автор пьесы обещал приехать на премьеру и привезти нам какой-то сюрприз. Он и привез... живо-

как известно, живет сейчас в Эстонии, написал первую свою пьесу «Фарс о Клопове». Ее мы поставим к 70-летию Великого Октября.

— Ассоциируется с «Клопом» В. Маяковского. А на самом деле о чем пьеса?

— На самом деле она о провинции времен февральской революции. Столичный чиновник инспектирует жизнь городка...

— Что же — Хлестаков революционного времени!

— Нет, это фантазмагоричская пьеса... но в ней много от наших сегодняшних разговоров. К примеру, там кто-то ратует за создание «ведомства правды», где можно реально взглянуть правде в глаза. Исторической, то есть привязанной к конкретным событиям, пьесу можно назвать лишь условно.

Ставим еще много других интересных пьес. Приглашаем драматургов и режиссеров-звезд, чтобы не чувствовать себя провинциалами, живущими на отшибе. Но знаете, жизнь сама очень сюжетна и в ней всегда переплетено невероятное с реальным. Самым острым оказалось не то, что далеко и «столично», а то, что рядом. В. Удам, первый секретарь райкома партии г. Пярну, написал пьесу «Ответственность» — о буднях партийного работника, пробующего пробить бюрократическую стену. Написал ее, между прочим, до XXVII съезда КПСС, после которого правду стало говорить «легко и приятно». Он публицист, этот партийный работник, публицист, автор книг, но почувствовал, что театр сейчас может больше в передаче накала реальных страстей. Судьба у пьесы непростая, но вот она нас ждет...

— Удачи же вам! Новых таких «реалий» и «фантазмагорий»!

— Благодарю. Ждем читателей «Молодежки» в нашем театре, который тоже может считаться молодежным. И не столько по составу, сколько по духу...

Вела беседу Е. ШАТОХИНА.

● У НАС НА ГАСТРОЛЯХ ●

«ФАНТАСМАГОРИИ И РЕАЛЬНОСТИ»

Государственный русский драмтеатр ЭССР снова у нас в гостях. И если несколько месяцев тому назад мы видели две его основные работы, то теперь у нас появилась возможность оценить работу таллинских актеров, что называется, во всем блеске. Они привезли в Кишинев лучшие свои пьесы. Гастроли в разгаре. Что пойти посмотреть? Как оценить увиденное? Есть ли у театра «лицо» и в чем сейчас его выражение? Мы думали построить диалог с молодым режиссером театра Александром ЦУКЕРМАНОМ традиционно, но разговор принял неожиданную форму. Это были... размышления вслух. Впрочем, читайте сами и решайте, что же в этом театре главное.

временная музыка, но разве дело в брейке, в атрибутике? В спектакле боль, боль отчужденности человеческого существа, которое стучится в стекло... Его видят через это стекло, наблюдают за ним, но живое тепло к нему через стекло не проникает.

— А насколько реальны такие персонажи в среде молодежи? Может быть, это какая-то группа людей, которые отделены от нас «толстым стеклом» непонимания! Я имею в виду, что компании, которые преступают в какой-то момент закон, — все-таки явления, выходящее из норм нашей жизни, экзотика какая-то...

— Экзотика? Нет, я так не думаю. Видите ли, очень короткий шаг, который отделяет отчаянное одиночество, чувство незанятости от преступления... Да и не о преступлении наш спектакль. Скорее — о среде и явлениях. А среда — это не сто человек, это много людей, объединенных понятиями о ценностях, о том, что такое хорошо, а что такое плохо.

ми. Дети ели мороженое и им было весело смотреть, как брейкеры танцуют. Но мамы были другого мнения. «Уберите это безобразие! Где милиция? — кричали они. — Дикари!». Мы словно попали в атмосферу своей «Ловушки», в атмосферу спектакля, где фантазмагоричская жизнь и ее реалии тесно переплетены, и есть пресловутое стекло непонимания... Мне, знаете ли, стало ясно, что мы не зря поставили этот спектакль! Те, кого мы не понимаем, — наше порождение, с их недостатками и достоинствами, но они — не инопланетяне.

Кафе, в котором мы встретились и хотели поговорить, ожидало, что мы «окупим» встречу. И «рокееры» мирно жевали плацнды, а в глазах их было нечто непередаваемое. Их опять не поняли и не выслушали. Идея формально собрать «неформальное объединение» обернулась анекдотом. Видимо, надо было подумать, где и как разговаривать...

— Расскажите о самом спек-

го «Чиж», того самого парня, о котором была написана пьеса. Звали его Андрей, он живет в Тамбове. Освобожден он был досрочно, потому что у его вины были смягчающие обстоятельства.

Мы впились в Андрея глазами: прототип! А у него началась во время просмотра спектакля истерика.

— Что, неужели так жестоко и откровенно? — спросили мы у «Чиж».

— Нет, — ответил он. — В жизни еще жестче и откровеннее, но когда глядишь на все это со стороны — становится страшно...

— Вы поставили этот спектакль, молодежный и острый, вы, молодой режиссер театра. А ваши дальнейшие планы!..

— Мне 33 года. Но уныния по поводу этой «роковой» цифры не испытываю, наоборот, считаю, что сейчас самое время для роста и осуществления каких-то задумок. У нас хорошие задумки.

Давид Самойлов, который,